

Татьяна Щербинина

Под небом бревенчато-серым

Красота и безмолвие—классика нашей зимы.
 Мир безмерно суров, только нет безнадёги и грусти.
 Молодильным весёлым огнём причащаемся мы,
 словно древние русы.
 Пусть ярится январь, обжигая стальным ветерком.
 Выходя на мороз, даже хочется выкрикнуть: «Любо!»
 Словно Пушкин, проказник, целует беспечным стихом
 чьи-то юные губы.
 В белой комнате— сумерки.
 Штору чуть-чуть приоткрой:
 на стекле и на сердце узор удивительный выткан,—
 там взрывает бразды и летит по степи снеговой
 удалая кибитка.

Потому что Господь—художник,
 и Он хотел
 рисовать этот мир
 пастелью, но лучше—маслом.
 Первозданная радость—жадно смешивать краски,
 замирать перед белой вечностью на холсте.
 Ещё миг—и лавина,
 ветер,— всё, что внутри,—
 станет робким мазком,
 неловким наброском тверди...
 Рисовать, рисковать,
 восставать против косной смерти,
 сквозь открытое сердце ликующей космос лить...

Замерзают и сопли, и слёзы.
 Не согнуться уже, не вздохнуть.
 Привыкай выживать на морозе
 как-нибудь.
 Рукавицы—почти из металла.
 На ресницах висят кружева.
 И не больно, и ты не устала,
 и—жива.
 Лучше лес, лучше белое поле,
 Чем людское безмерное зло.
 —Красна девица, любо? Тепло ли?
 —Ой, тепло!

Мир—старый добрый пятистеноч.
 У снега тысяча оттенков.
 Синицы, весело затенькав,
 клюют пшено.
 Январский лес монументальный,
 лес богатырский, лес брутальный.
 Хрусталь, и тишина, и тайна—
 всё сплетено...

Застыли ёлочки-ракеты,
 густые сны свисают с веток.
 Скажи, откуда столько света
 в лесной глуши?
 Дороги зимняя палитра
 огнём серебряным облита,
 и очаровывает ритмом
 живая жизнь.

Старая пластинка

Тронуть иглой
 пластинки гибкую плоскость.
 Голос живой
 в зазубринках и бороздках.
 Старый конверт,
 кажется, тот же самый...
 Выключен свет.
 Папа танцует с мамой.
 Мир молодой.
 (Всё, что отнято,—свято!)
 Год-то какой?
 Верно, восьмидесятый.
 Редкий снежок.
 В тихом театре тени.
 Точно ожог—
 тайна прикосновенья.
 В чёрном кругу
 блики, хвоинки, льдинки...
 Я не могу
 остановить пластинку.

Одержимые

С одним топором через горы,
Леса—одержимые, шли.
Они не боялись простора
До самого края земли.

Под небом бревенчато-серым
Бил ветер свинцовый—в висок.
Вела их утрюмая вера
И воля—вперёд, на восток!

Смогли уцелеть, и согреться,
И выжить, и сказку сложить.
Не больше, чем русское сердце,—
Страна, где нам выпало жить,

Где предки плясали и пели
Без валенок и рукавиц.
А мы всё бежим от метелей
В крысиные норы столиц

И дальше—в кошерные страны.
Там в сладком тумане сиест
Вдруг вспыхнет простор—первозданный,
Скуластый, родной, нежеланный,
Раскольничий яростный перст!

От первых рубцов и отметин
До самого судного дня
Твой голос—из юности ветер—
Волной накрывает меня.

И вновь, зачеркнувши рассудок,
В глазах твоих вижу весну,
И знаю, что счастья не будет,
И руки навстречу тяну.

Не плачу, не жду, не ревную...
Пусть сердце идёт с молотка.
Рябина твоих поцелуев
Ещё горяча и горька.

Сумерки

Сумерки. Лес.
Чёрные крылья ёлок.
Медленный блеск,
неба жемчужный полог.

Матовый снег.
Воздух стеклянно-сизый.
Контуров нет,
словно снимаешь линзы.

Белая шаль—
воздух—покой и пламя.
Плачет душа
между мирами.

Яблоко пахнет яблоком. И—соблазном.
Такое, наверное, когда-то кусала Ева.
...Помнится точно: яблоко было красным,
Солнце смеялось в листве, шелестело древо.

Помнится точно: был август. Роскошный август.
Пали двое, познавшие невесомость.
Господи, прости меня! Ты неправ был,
И ни при чём дурацкие хромосомы.

Евой наивной, нежной, неосторожной
Сам Ты меня слепил из чего-то там, но,
Ластясь к родным ногам золотистой кошкой,
Я Тебя любила, а не Адама.

Это же Ты научил меня быть такою:
В сильных руках трепетать, гореть, не сгорая...
Яблоко пахнет яблоком. И—любовью.
Тот, кто вкусил, навсегда уходит из рая.

Подняться в пустоту над серыми домами,
Подпрыгнуть и разбить
Небесное стекло.
Поэзия—огонь, который над словами,
И больше ничего.
Тревожит по ночам бессовестною кошкой,
Царапает, скребёт и будит просто так.
Покой недостижим.
Жить с нею невозможно,
И без неё—никак.
Поэзия звенит нездешним, вешним звоном.
Бьёт ветер в барабан, и жизнь не дорога.
Мы—рекруты её.
Чисты наши погоны,
Как русские снега.

Так стрелки обнимались на часах—
Чтоб вместе быть—хотя бы на мгновение.
Слова соединялись в небесах
В стихотворение.
И облака—седые корабли—
Входили в гавань зимнего заката.
А мы с тобою рядом тихо шли
Под снегопадом.
И снег мерцал, и музыка звала,
С хрустальной тишиной перекликаясь...
Сливались два серебряных крыла
В единый парус.
Я помню всё... Так больно, горячо
Ладонь мою нечаянную стисни—
Как будто будет что-нибудь ещё
Там, после жизни.